

О ФИЛОСОФИИ СВОБОДЫ

В. М. Золотухин, А. А. Овчаров

ON THE PHILOSOPHY OF FREEDOM

V. M. Zolotukhin, A. A. Ovcharov

В статье рассматривается онтология свободы в контексте интуитивистской философии. Социальная онтология понимается как органическое целое, включающее в себя идеальный, реальный и конкретно-идеальный уровни бытия. Социальное бытие есть система взаимодействия субъектов социальной деятельности или субстанциальных деятелей.

Ключевые слова: свобода, социальное бытие, интуитивизм, органическое целое, уровень бытия, субъект социальной деятельности, субстанциальный деятель.

The article deals with the ontology of freedom in the context of intuitivistic philosophy. The social ontology is understood as an organic whole, which includes the ideal, real and concrete-ideal levels of existence. Social being is a system of interaction between the subjects of social activity or substantial figures.

Keywords: freedom, social being, intuitivism, an organic whole, level of being, social actor, substantial figure.

Рассмотрим интуитивистское решение природы социальной деятельности или практики. Общество (социальное бытие) должно быть деятельным, то есть, культивирующим практику, чтобы располагать статусом реальности или конкретности. Иначе in abstracto оно будет только достоянием идеального бытия (как вымышленный, возможный мир, например в сознании мифолога). Следовательно, реализация субъектов в социальном мире есть определенная практика.

Практика, таким образом, является взаимодействием субъектов или социальных субстанций, их гносеологической координацией в форме социальных отношений по процессам становления социальной системы. Практика здесь выступает как условие и способ триединства социального становления – субъективности, интерсубъективности и системы социальной деятельности. Поскольку деятельность определяет существование общества, то необходимо затронуть ее источник. Для интуитивизма или идеального реализма это вопрос о *динамической причинности*.

Для понимания динамической причинности необходимо произвести обзор практики в витках восхождения от конкретного к абстрактному и обратно. Чисто эмпирически деятельность есть воздействие одного факта реального бытия (тела, вещи) на другое. Н. О. Лосский называет подобное воздействие механистическим, подразумевая, что деятельность, обусловленная механистической причинностью складывается из представлений о том, что она есть.

Во-первых, это материальная причинная связь, обусловленная кинетическими обстоятельствами, данными во временном измерении ("толчок, выводящий тело из покоя").

Во-вторых, эта причинность суть само воздействие одного тела, одной вещи на другую вещь.

Наконец, в-третьих, механическое действие стохастично или нецелесообразно. Точнее, механические воздействия сами по себе либо являются производными от человеческого усилия, либо [2, с. 449 – 450] осуществляются гипотетическими субстанциями (в интуитивизме это "субстанциальные деятели". –

А. О.), не относящимися к человеческому роду (так называемое "психоидное бытие" субстанций, образующих человеческие организмы, или синергетическая процессия).

В самом деле, в повседневности легко наблюдать действие как преобразование человеком вещи в производстве, умственное усилие, деятельность артефактов (машинная деятельность). Однако механистичность деятельности далеко не однозначна даже в эмпирическом отношении, действительно, в действии всегда присутствуют такие контрагенты, как действующее начало и объект воздействия. Поэтому отношение их с неизбежностью является прямым или опосредованным отношением субъекта и объекта. Как констатирует К. Х. Момджян, "в каждом социальном действии – независимо от его характера и направленности – могут быть выделены два обязательных структурных компонента, а именно – субъект действия и объект действия, или тот, кто действует, и то, на что направлена его деятельная способность" [4, с. 241].

Практика, таким образом, в структурном смысле выступает субъект-объектным отношением. В связи с этим А. П. Огурцов и Э. Г. Юдин описывают понятие "деятельность" как специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей. "Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратиться из материала в предмет и продукт труда" [5, с. 160].

Итак, практически является субъект-объектное отношение. Возможно дополнить это обстоятельство уточнением: деятельность есть субъект-субъектное отношение постольку, поскольку каждая социальная субстанция объективна в том значении, что действительно существует и в плане собственного реального бытия. В этом качестве она выступает участником со-

циальных взаимоотношений. При этом практика связана с целестремительностью.

В самом деле, для того, чтобы произвести воздействие на объект, субъекту необходимо стремиться к этому воздействию, знать о нем, обладать информацией о цели. Субъект в элементарном смысле есть человеческий индивид, действительная личность, носитель сознания. Согласно Н. О. Лосскому, жизнь действительной личности ("я") состоит из волевых актов: "человек стремится достигать тех или иных целей, именно творить какие-либо блага или устранять какое-либо зло. Таким образом, все деятельности личности имеют целестремительный характер" [4, с. 23]. Волевой акт является интенциональным постолюку, поскольку в его произведении, помимо реального бытия деятеля, задействовано идеальное бытие последнего. Поэтому феноменологическая дескрипция практики связана с усмотрением эйдетических сущностей деятельных актов. В самом действии можно усмотреть: интенцию, побуждающую деятельный акт, сам источник этой интенции, объект интенции, встречную интенцию (сопротивление, прямое или косвенное, оказываемое деятелем, выступающим в значении объекта действия) и т. д.

Итак, имеются субъекты, производящие акты практики, и объекты, подвергающиеся воздействию этих актов. Данные воздействия проходят вследствие открытости бытия деятелей друг к другу (гносеологической координации). В то же время все социальные взаимоотношения интересобъективны. Связано это с тем, что все бытие имеет субстанциально-субъектное основание. Как следствие, в основании любого факта находится определенная монада, субстанциальный деятель. При этом любое действие может быть расценено как субъективное, если носителю действия дается "имя" субъекта. Так, можно утверждать, что "обстановка дома воздействует на меня" – субъективируя тем самым окружающую человека материальную среду.

В обществе все оказывается субъективным в том отношении, что конкретными субъектами оказываются либо действительные личности, либо личности потенциальные, представляющие собой или будущих действительных участников социальной жизни (дети, лица с психическим заболеванием, поддающимся лечению, интеллектуальные артефакты, etc.), либо опредмеченные практики. Как следствие, можно предположить фактическое наличие своеобразного интересобъективного поля практики. Это поле включает в себя:

- во-первых, субъектов как активных начал практики,
- во-вторых, отношения между ними в ходе актов практики,
- в-третьих, уже самих субъектов как объектов практики.

Все, что ни происходит в сфере социальных отношений, конкретного богатства жизни и деятельности людей, независимо от времени, места, этнокультурной специфики; – все это подпадает под определение "практики". Поэтому рассмотрение онтологии практики, выделение ее источника сопряжено с построением таких изоморфов или концептуальных паттернов социальной реальности, которые наиболее

представительно характеризуют структурно-функциональные связи социальных событий и явлений, тождественные их генетическим связям.

Это означает, что если под "генетическими связями" социального бытия следует интуитивно понимать общество как реальность с присущими ей закономерностями, фактом эволюции как ее временного развития, то знание об онтологии социального бытия сразу же отмечает обусловленность этого бытия пространственными изменениями или действиями. Действительно, общество как живое бытие постоянно пребывает в деятельности. Вне ее оно просто немисливо как живое бытие, мыслится в качестве "раритета" или археологического памятника. То есть, общество складывается как всеобщность из особенностей, или подсистем, имя которых союзные субъекты практики. Это социальные группы, конкретная классификация которых детерминирована выбором основания ее как признака логического деления в процессе социального анализа. Сами же они строятся на основе единичностей – элементарных субъектов практики или человеческих индивидов.

Поэтому "анатомия" практики состоит в установлении конкретной деятельности людей. Соответственно диалектика социальной деятельности оказывается диалектикой субъекта как "социально-атомарной" единицы. Практика является *имманентным проявлением человеческого бытия*. В рамках персоналистской природы социальной субстанции деятельность оказывается атрибутом человеческого существования.

В понятии «субстанция – субъект» функционально заложена способность к действию, имманентно вытекающая из интенционального, целеполагаемого характера сознания персоны. Именно поэтому субстанция в интуитивизме трактуется как "субстанциальный деятель". Это означает *имманентность субстанции и практики*. Что же придает субъекту способность к деятельности? Можно предположить, что практика основывается на творческой свободе субстанциальных деятелей: "Человеческая личность, поскольку мы имеем в виду само «я» человека, творящее свою жизнь во времени и пространстве, есть субстанциальный деятель" [3, с. 19 – 20]. Для интуитивистского понимания практики здесь важны три обстоятельства:

- во-первых, деятельность имманентна онтологии человека, его бытию;
- во-вторых, деятельность вызывается творческой свободой человеческого "я";
- в-третьих, деятельность имеет отношение к интенциональной жизни сознания, поскольку в ней задействовано это "я".

Для полного представления об интенциональном характере человеческих действий и социальной деятельности в целом, необходимо обратиться к онтологии триединства социальной субстанции. Она дана в трех типах бытия: материи, сознании и конкретно-идеальной сущности. Интуитивизм не выдвигает абсолютного примата этих онтологических типов. Они выступают в виде "соборного единства" или конкретного всеединства природы субстанции-субъекта. Действительно, сознание обладает активностью. Эта активность обладает трансцендентальным статусом, так как ее генезис неопределим во времени. Более того,

идеальное содержание сознания сверхвременно и сверхпространственно, исток ее коренится в самом происхождении мира.

Однако сознание остается чистой абстракцией, если не располагает носителем. Более того, сам носитель не может не быть конкретным, не может не иметь материальных обстоятельств. Как следствие, без материи как субстрата изменений идеальное просто-напросто будет сокрытым и не проявленным в реальном социальном бытии. То есть, для того, чтобы помыслы отдельного человека были воплощены в действительность, необходимы: во-первых, сам человек, его "я", во-вторых, его тело, его материальность, способная взаимодействовать с другими видами субстрата социальных изменений. Иными словами, реальное и идеальное бытие выступают в онтологически единой связке. Медиатором ее является "я" – конкретно-идеальная социальная сущность. В науке, философии, религии существуют различные определения "я". Для интуитивизма, помимо констатации конкретно-абстрактного единства природы субстанции-субъекта, важен еще момент интенциональной жизни сознания.

Это не просто компонент онтологии общества, его идеальное содержание. Сознание располагает логической развертываемостью как формальной, непротиворечивой, так и диалектической, фиксирующей противоречия, взаимоотношение которых суть взаимное преодоление через действие. Иными словами, жизнь сознания сопряжена с интенциональными актами внимания, различения, отождествления, выбора и в конечном счете – last but not least, воли. В акте «я сознаю», «я анализирую», «я стремлюсь что-то произвести» (познавательное или практическое) содержится мотив устремленности, момент диалектической подвижности идеального бытия. Конкретно-идеальная социальная сущность, таким образом, неизбежно оказывается *полем встречи* идеального бытия и реально-го или материального. Субъект выступает в онтологии как конкретный процесс объективации смыслов, то есть рождения и развития вещей.

Иными словами, субъект объективно выглядит трансцендентным предметом, сознаваемым другими субъектами как субстанциями в силу взаимной с ними имманентности в сознании, в мире невременных и непространственных идей. В то же время субстанции оказываются трансцендентны в материальном отношении, они различны как вещи или конкретное. Формальные социальные идеи присутствуют везде и во всем как программы практики; конкретно-идеальные социальные сущности оказываются проводниками данных программ.

Теперь возможно предварительно утверждать, что ключевым моментом в деятельности является *овеществление и развеществление*. Это видно на следующих примерах. Если мастер по дереву путем обработки добывается получения из последнего некоторого изделия, скажем, статуэтки, то перед нами случай создания одной вещи из другой. Не забудем при этом, что само "дерево" является продуктом природной эволюции, в которой задействованы субстанции, конкретно не принадлежащие к социальному бытию. В то же время "кусок дерева" уже является определенным артефактом, объектом, испытавшим человеческое воз-

действие. То же можно отнести к интеллектуальному труду. Написанная книга или картина также суть вещи. Выражение "мастер изготовил, написал, нарисовал вещь" относится к данному случаю. В интеллектуальном труде формальные идеи (блага, прекрасного, человечности, трудолюбия etc.) используются для того, чтобы быть образцами определенной социальной деятельности: создания теоретической конструкции, описания вымышленной ситуации и т. д. Таким же образом происходит и рождение в уме субъекта самых различных возможных миров. Интеллектуальная вещь интуитивно обладает максимальным статусом достоверности, если она изоморфно, системно-генетически отображает реальную действительность, самое само социального бытия. Относительно материальной вещи возможно утверждать то же самое с учетом того, что, в отличие от интеллектуального факта, материальный факт доступен всестороннему и непосредственному эмпирическому восприятию, то есть самоочевиден.

Что же касается субстанции или субъекта как вещи, то здесь можно сказать следующее:

– во-первых, каждый субъект объективен, то есть является трансцендентным предметом, или имманентным материалом знания, доступным познанию (интерсубъективной сореференции);

– во-вторых, каждый субъект может испытывать как прямое воздействие со стороны другой личности, так и опосредованное (например, со стороны третьих лиц или суммы сложившихся прямых и косвенных обстоятельств).

Следовательно, его бытие – реальное, идеальное и конкретно-идеальное – находится в развитии, в том числе и под интересубъективным влиянием. Его биография не является лейбницеанской монадой, а открыта миру вследствие гносеологической координации и имманентности всего всему в идеальном бытии, в сознании.

Теперь вспомним, что сознание содержит знание, идеальное, то есть включает в себя информацию, сведения о формальных и материальных идеях или о "прототипах" и "инвариантах" различных вещей. "Я" субъекта способно направлять интенциональные акты по отношению к конкретному идеальному. Происходит интеллигибельное "сканирование", демонстрирующее как активность сознания и самосознания, так и то, что активность эта осуществляется в сверхвременно и сверхпространственном бытии, то есть в сознании конкретно-идеальных социальных сущностей. Это в итоге означает, что *аспект практики имманентен структурно-функциональному составу триединства социальной субстанции*.

В ходе интеллигибельной практики происходит трансцендирование смыслов как ценностей бытия. Формальные идеи овеществляются из трансцендентального в иное состояние. Они входят в практику субъектов в качестве "путеводителей". Благодаря материи как субстрату изменений, трансцендирование идеального переходит рано или поздно (во временном измерении) в его овеществление.

Подведем итог. Итак, практика имеет онтологическое происхождение, так как связана с самим существованием субъектов социальной деятельности. Далее, она имманентна интенциональной жизни сознания и

гносеологической координации, что означает ее присутствие в элементарных формах проявления жизни субъектов. Помимо этого, практика не является чисто субъективным достоянием, а, по определению, располагает социальным значением: так, любые деятельные акты проистекают в сфере человеческого и социального (интерсубъективного) бытия. Наконец, деятельность неразрывно связана с процессами овеществления и развеществления, что придает социальным действиям не абстрактное, а конкретное значение, способствуя реальному становлению системы социальной деятельности.

Теперь же, собственно, о соотношении свободы и практики. Как известно, человеку свойственно творить разного рода свершения. Агрессивны ли они, миролюбивы, или вообще не подвоимы под однозначное определение – в любом случае необходимо оговорить аспект свободы в практике. Интуитивизм, например, различает в онтологии практики *формальную* и *материальную свободы*. Согласно Н. О. Лосскому, "формальная свобода состоит в том, что деятель в каждом данном случае может воздержаться от какого-либо определенного проявления и заменить его другим. Эта свобода не утрачивается ни при каких условиях. Материальная свобода выражается в том, что способен творить деятель, какой степенью творческой мощи он обладает" [3, с. 40]. Иными словами, практика не есть только возможность материального события (так, строительство дороги, вероятно, при наличии финансирования, наличии технического ресурса, рабочей силы, организации труда etc.).

Практика является привнесением субстанциальной (субъектной) воли в социальную материю. Без нее материальные возможности, находясь в потенциальном состоянии, окажутся либо не востребованными, либо социальный процесс приобретет хаотический характер. Строго говоря, он станет просто невозможен, если из деятельности исключить прямое или опосредованное "авторство" (реализованное и/реализуемое право собственности) определенных субъектов. Более того, поскольку конкретно-идеальное бытие активно, то оно привносит в субстрат социальных изменений, или материю, абстракции как образцы, схемы конкретных вещей. При этом материальная причинность связывается с обоими видами свободы. Во-первых, на практику накладывается формальная, возможность субъектов совершать или не совершать волевые акты (например, субъект может желать заниматься политикой или нет, оказать добро знакомому человеку или нет, целенаправленно рефлексировать или нет etc.). Во-вторых, материальная свобода представляет собой конкретные или практически мыслимые и полагаемые условия творческого процесса (принципиальную возможность перемещаться в известном направлении или нет, произносить речь или нет, строить фабрику или нет etc.).

Рассматривая возможности свободы человеческой воли (индетерминистский потенциал субъекта практики), стоит выделить ее следующие формы:

- (а) свободу человека от внешнего мира;
- (b) свободу человека от своего тела;
- (с) свободу человека от своего характера;
- (d) свободу человека от своего прошлого;

(е) свободу человека от законов, определяющих содержание временного процесса;

(f) свободу человека от Бога [2, с. 531 – 576].

Свобода субъекта от внешнего мира означает, что субъект противостоит окружающему миру как инобытию. Все, что вне его, другое (или Другой). Это задает возможность избирательной практики на основе принципа формальной свободы. Субъект формально способен избегать деятельности, абстрагироваться от конкретного. Отношения материальной причинности хотя и влияют на человека, однако это происходит достаточно избирательно, особенно в социальном плане.

Естественно, что индивид не может быть свободен от потребности в пище. В то же время он способен избирать общение с другими персонами. Разумеется, человеческая личность не может существовать совершенно независимо от требований социокультурной традиции, в которой она пребывает. Однако возможность воздержания от действия в плане свободы от внешнего мира является необходимым условием социальной автономии субъекта, устраняющей из социального бытия простой автоматизм событий. Уровень автономности может меняться в пространственно-временном процессе, но уникальное культурное варьирование свободы и связанности остается в рамках достижения согласованности в удовлетворении различных потребностей и интересов социального бытия.

Далее, *свобода человека от тела* есть подчеркивание различия между реальным и идеальным бытием, сопряженными в конкретно-идеальной сущности субстанции-субъекта практики. Конечно, организм оказывает на человеческое бытие приоритетное влияние. Без него, как конкретного факта, существование личности было бы только мыслимым, интеллигибельным (персонаж романа). Более того, состояние здоровья, потребность в обмене веществ, дыхании (при воздействии промышленных выбросов в атмосферу!), продолжении рода, различного типа релаксации (просто отдыха, различного рода экстагических переживаниях) существенно определяют деятельность субъектов. Тем не менее принципиальная возможность воздержания, избирательного действия сохраняется, создавая данный тип индетерминации (например, осознанный отказ от отдыха в пользу необходимого практического дела).

В отношении *свободы человека от своего характера* необходимо отметить, что психические состояния субъекта суть достояние социальной материи, его образующей. Человек способен формировать свою личность, осознавать ценности и соответственно изменять свое личное бытие; преодолевать вредные привычки, сосредоточиваться на необходимой работе, тренировать себя физически, вступать в новое общение etc. Иными словами, интенции субъектов могут вести к широкому спектру своего проявления – от агрессии до терпимости, как возможности толерантного сотрудничества и сосуществования.

Это приводит к проявлению в человеке чувственности, когда жизнь сознания соотносится с эмотивно-волевым потенциалом психики (душевной жизни), реакции которой, как правило, обуславливаются различными случаями материального раздраже-

ния (гнев, радость, голод, довольство, экстаз etc.). Возникающие отсюда комплексы симпатии и антипатии побуждают субъектов к деятельности, не всегда согласующейся с абсолютными ценностями и долженствованием. Это эгоистическая, зачастую агрессивная, насильственная мотивация деятельности. Стремление к материальной наживе, к мести по отношению к неприятным личностям, к удовлетворению различных позывов чувственности существенно воздействуют на природу человека и общества. Более того, общеизвестны исторические прецеденты, когда материальные интересы доминируют над высшими ценностями. Л. Н. Гумилев называет такие периоды в истории человеческих сообществ (локальных социальных систем) "обскурантными"; их характеризует как раз преобладание "субпассионарного", материально-детерминированного стиля поведения и деятельности над другими [1, с. 205 – 224].

Формальная свобода человека в этом случае стоит как раз в возможности встать над материальными потребностями собственной душевной жизни, своей чувственности. Жизнь сознания выше чувственности не только в плане того, что она трансцендентна материальной природе субъекта, то есть сверхвременная и сверхпространственная; интенциональность мышления способна актуализировать внимание субъекта на преодолении зависимости от своего характера как субстрата собственной судьбы.

Относительно *свободы человека от своего прошлого* можно высказать следующие замечания. Необходимо отметить, что для теории интуиции данное положение имеет принципиальное значение. Действительно, свобода воли, возможность суверенной деятельности, обусловленной независимым, творческим усилием субъекта, его конкретным интенциональным актом является возможной при принципиальном допущении свободы "я" субъекта от прошлого, то есть от предшествующих во временном отношении практик.

В самом деле, поскольку "я" есть начало сверхвременное, следовательно, нет ничего временного, что, предшествуя ему во времени, произвело бы его. Именно это сверхкачественное "я" как носитель творческой бескачественной силы, вступая во временный процесс своими действиями, есть подлинная причина, порождающая данные практики. Что же касается истории этого "я", его прошлого опыта и прошлых переживаний, они, как и все, что находится вне творческой силы, служат лишь поводами для свершения практики. Таким образом, "я" в принципе свободно от событий, происшедших ранее во времени. Так, можно представить ситуацию, когда индивид способен вполне абстрагироваться от позиции в конкретном вопросе, которую он занимал несколько дней или месяцев назад.

В то же время субъект не независим совершенно от паутины архаики. Так, производственные отношения в обществе конкретного времени способны задавать воспроизводство трудового и социально-бытового стиля действия. Отметим, что образ жизни египетских феллахов совпадает с жизнью своих древнеегипетских предшественников. Также факты социокультурной традиции, овеществленные в социальных институтах, в артефактах знания (письменная,

архитектурная и иная традиция), наконец, в коллективном бессознательном (архетипах последнего) воздействуют на актуальное бытие субъектов. На деятельности субъектов также сказываются и обстоятельства их индивидуального прошлого. И это не только материальная причинность: генетическая наследственность, последствия физического труда на состоянии тела etc. Как представляется, к факторам материальной детерминации могут быть добавлены обстоятельства того, что можно обозначить в качестве *биографической логики деятельности* или судьбы. Что можно подразумевать под биографической логикой практики? Посмотрим на такие факты. В жизни людей нередко встречаются последовательности событий, логика которых выглядит как реализация своеобразного плана действий как бы изначально заложеного в биографию деятеля.

В культурной и философской традиции данный феномен истолковывается в символике "судьбы" (западная традиция) и "кармы" (восточная традиция). Интуитивизм полагает, что эта обусловленность вызывается, во-первых, ролью конкретной онтологии субстанции-субъекта в составе более общей онтологии универсума (и не только социального), то есть теми формальными идеями, которые образуют «программную» сущность субъекта. Онтологически, она не исчерпывает свое существование существованием конкретного материального носителя. Иными словами, субъект как субстанциальный деятель, будучи сверхвременной и сверхпространственной сущностью, в принципе проявляет себя в пространстве и времени неоднократно [3, с. 47 – 85].

Указанная способность субстанциальных деятелей является источником эволюции как природной, так и социальной. При этом генезис субстанциальной субъектности в предельном метафизическом смысле есть исходное "рождение" деятелей во время возникновения нашего мира. С точки зрения спекулятивной, данная проблема неактуальна по причине того, что в отношении металоогического бытия, пребывающего, по сущности, вне времени и пространства и лишь участвующего в пространственно-временных процессах, рассуждение о конкретном способе, условиях и времени его возникновения лишено смысла. Субстанции имеют место как трансцендентально-генетическая и эмпирически или феноменально воспринимаемая данность.

Следствием этого, интуитивно можно предположить, что, кроме формальных идей, биографии субъектов определяются также материальными идеями, которые насыщают конкретное бытие формами. Иными словами, субъекты в процессе практики дополняют свое априорное "я" нюансами, примесями, наслоениями, памятью от конкретных действий. Последние как раз и создают условие и возможность устранения абсолютной свободы и порождения практического детерминизма.

В самом деле, если человек в процессе своей жизни переживает определенное обстоятельство, например, свершение заведомо позитивных поступков, несущих благо окружающим, то материальные идеи, во-первых, определяют воспроизведение (в принципе) аналогичных действий в будущем; интенциональность сознания, таким образом, настраивается на оп-

ределенную каузальность. Далее возможна встречная интенциональность других деятелей соответствующего рода; образ жизни святого человека, субъекта с позитивной харизмой и его восприятие другими людьми etc. И, напротив, совершение субъектом негативных действий, например, насилие над другими субъектами, отказ и искажение ценностей, составляющих основу социокультурной традиции вводит в состав его конкретно-идеальной сущности нигилистические материальные идеи. Данные зйдола как бы "программируют" субъективность на отяжеленное существование в будущем. Судьба, так сказать, имеет два рога.

В конкретно-идеальной сущности субъекта практики содержатся как идеальная детерминация со стороны материальных идей прошлого, так и формальная свобода, дающая возможность бифуркации и, как следствие, избегания автоматизма в социальной деятельности. Именно это определяет такой факт формальной свободы, как *свободу человека от временных процессов*. В самом деле, материальная причинность определяет социальное действие силой давления предшествующих обстоятельств. Однако это давление не универсально однозначно.

Так, воздействие экстремального обстоятельства (например стихийного бедствия на жизнь страны) способно существенно изменить существование многих субъектов; тем не менее данное событие не меняет в корне слагаемые субстанциальных биографий, а является крайним и тяжелым испытанием, проявлением потенций конкретно-идеальной сущности в условиях "вызова-ответа" на окружающие обстоятельства.

Далее, идеальная причинность хотя и задает некоторые параметры конститутивной деятельности сознания, но тем не менее сохраняется возможность отказа или коррекции указанных параметров. Данные новации определяют в эволюцию и саму возможность обновления. Субстанции, как раз в силу свободы воли, способны вставать над законами природы.

Это относится как к применению законов природы в практическом созидании новой вещественной реальности, так и для сохранения, удержания исходных данностей. В первом случае, в качестве примера, можно указать на создание новых технологий; во втором случае – на усилия медицины по сохранению здоровья и жизни человека и целых социальных групп.

Кроме этого, даже в тех категорических случаях, когда законы природы диктуют неизбежность изменений (умирание психофизических организмов, изнашивание и разрушение в силу долготы существования артефактов, смена стереотипов социального поведения); даже в этих обстоятельствах свобода воли состоит в способности субъектов к интенсификации деятельности, к своей объективации в продуктах труда. Все это позволяет определить социальную субстанцию как *фактор социального бытия с имманентной функцией к коррекции своей природы и продуктов практики*. Пределами этой коррекции являются следующие уровни: во-первых, это способность деятелей к перманентным трансформациям социального бытия, к нескончаемому феноменальному генезису, порождающему новые социальные факты и соответствующие материальные идеи. Это видно на

примере создания новых технологий, появления и развития новых этносоциальных общностей, рождения новых типов социокультурной традиции; во-вторых это возможность "противотечения". Под этим мы подразумеваем явления разрыва с прошлым, с традицией, ситуацию "спора" и/или конфликта субъектов с бытием. Это как рефлексия над ним, так и стремление к преодолению, к отталкиванию от негативного, угнетающего, устаревшего. Максимальная степень выражения данной ситуации – социальный протест. Последнее возможно при сосуществовании и признании равной меры свободы всех носителей субъективности для углубления и актуализации ситуаций "противоречивости" реального бытия.

И наконец, поговорим немного о *свободе человека от Бога*. Разумеется, что рефлексия над проблематикой веры всегда строго спекулятивна. Поэтому высказанное далее имеет чисто гипотетический смысл. В политеистических учениях свобода практики всегда относительна, всегда программирована "кармой", "Ананке", просто судьбой, наконец. Иначе дело обстоит в авраамитическом монотеизме. Хотя (и кальвинизм нам свидетель) и здесь все в руке Божией, однако религии единобожия упорно указывают на совершенную свободу практики: свободу как добродетели, так и греха. Возможной онтологической причиной данной милости Абсолюта по отношению к человеческой свободе может быть усмотрено следующее рассуждение. Бог желает быть не просто услышанным своим творением (это в состоянии сделать любое существо, здесь налицо тема чувственности и автоматизма), напротив, он стремится быть познанным. А это может сделать только разум, наделенный свободой воли или привилегией выбора. Агрессии или толерантности. Чего угодно. Только неоднозначность решений задает интерес онтологической игре.

Продемонстрированные выше примеры и виды формальной свободы в социальной деятельности показывают возможность индетерминизма в практике и в социальном бытии в целом. Однако человек, будучи формально свободным, практически ограничен материальными условиями. Данное противоречие между духом и плотью суть такой перекресток бытия, который вновь и вновь задает диалектику воли и рока в природе человека.

Литература

1. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л.: Наука, 1990. – 253 с.
2. Лосский, Н. О. Избранное / Н. О. Лосский. – М.: Правда, 1990. – 647 с.
3. Лосский, Н. О. Учение о перевоплощении; интуитивизм / Н. О. Лосский. – М. Прогресс, 1992. – 207 с.
4. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие / К. Х. Момджян. – М.: Высш. шк.: Университет, 1997. – 448 с.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 840 с. (статья "Деятельность").